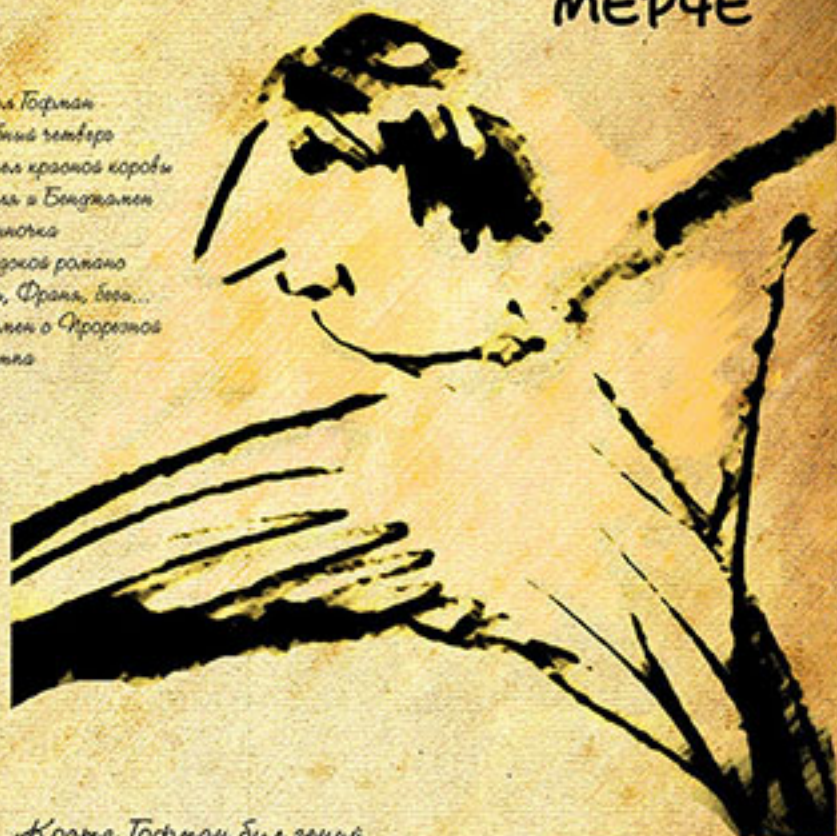

АНТЕЛ ТОФМАН И ДРУГИЕ

МЕРЧЕ

Антел Тофман
Рыбный гетто
Антел красной короле
Алла и Бенджамин
Ханюкка
Городской романс
Бесс, Франя, Бесс...
Кармен о Пророках
Ланна

«Костя Тофман был гений.
Из тех, кто, сидя на горшке, декларирует
Есенина, перемножает в уме трёхзначные числа
и повергает воспитателей в восторженное, подчас
гневно-недоумённое»

Ангел Гофман и другие

*Доктору Якову Кораху,
моим родителям,
моей тете Ляле,
Эрику,
сыну Даниэлю,
Миле Розен,
Ирине Гончаровой,
Любочке Журавлевой,
Михаилу Горевичу,
профессору Жарикову Жене (покойному),
всем моим многочисленным друзьям,
без которых бы это не состоялось*

МЕРЧЕ
АНТЕЛ ТОФМАН
И ДРУГИЕ

Киев
«НАИРИ»
2009

УДК 821.161.1 (477-32)
ББК 84 (4 Укр=Рос) 6-4
М-52

Под авторской редакцией.

Обложка — Риос Солис Даниэль.
Использованы рисунки Каринэ Арутюновой (Мерче).

Мерче.
М-52 **Ангел Гофман и другие** — К.: Изд-во
«НАИРИ», 2009. — 272 с., ил.
ISBN 978-966-8838-33-0

Автор популярен в Сети под псевдонимом Мерче. Она как тонкий художник открывает нам то, что у всех перед глазами: «русские» и «марокканские» кварталы Израиля, улочки и закоулки Киева. Люди, говорящие на украинском, русском, армянском, испанском, иврите и идиш.

Ее зарисовки необыкновенны по силе сплетения лиризма, чувственности, знания жизни, горькой иронии и музыки. Эта книга не выпустит вас из объятий, пока вы ее не дочитаете до конца.

ББК 84 (4 Укр=Рос) 6-4

© Мерче, 2009

ISBN 978-966-8838-33-0

© «НАИРИ», 2009

Содержание

Мерче. Сопричастность к вечному	8
От автора.....	10
В поисках розовой ящерицы	11

Черно-белое кино

Дочь аптекаря Гольдберга	15
Ангел Гофман	21
Рыбный четверг	23
Пепел красной коровы	27
Ляля и Бенджамен	31
Ханночка	35
Беги, Франя, беги... ..	39
В будущем году в Иерусалиме	45
Городской романс.....	50
Элегия	53
Лампа	57
Премьера.....	61
Немного Вуди Аллен	65
Соло за закрытой дверью	68
Жаба	72
Маша и Медведь	82
Кармен с Прорезной	87

Предчувствие синего цвета

Суэрте	121
Изгнание	123
Чужой.....	125
Хамсин	127
Дурная кровь	130

Ангел Гофман и другие

Гуантанамера	135
Предчувствие синего цвета	139
Прощание	144
Попутчики.....	151
Формула цвета	155
Цвет граната, вкус лимона	159
Египетская принцесса	164

Желтое на черном

Условия игры. Инструкция	173
Еврейская свадьба	175
Волчок	178
Удачный день Зямы Гринблата	181

Море волнуется раз

Холодец.....	197
Балетки.....	199
Мирзолзайн или задом наперед	202
Медафнешт, Роза!!!!.....	205
Задом наперед или справа налево	208
Шолом-Алейхем и я	210
Внешность обманчива	211
Цыган	216
Тяжкое бремя страсти. Школьный дневник.....	218
Бабочка	220
Меня звали Эмма	223

Время желаний

У моей девочки есть одна маленькая штучка.....	229
Божественная комедия	231
Весенняя охота на куропаток.....	233
До-ре-ми-фа- соль	236
Ах, эти прекрасные острова.....	241

Содержание

Если женщину зовут Элена Гарсиа	243
Глиняный петушок	246
Horror vacuі	249
Сангрия	250
Утро одного дня	252
Ай, Асунсьон... ..	255
Партия	257
Лейла и Меджнун	259
Римские каникулы	262
Приглашение к воскресной мессе	265
Мавритания	266
Исполнение желаний	267

Мерче. Сопричастность к вечному

Самое сложное в литературе — создать свой Мир. Когда это удастся, мы говорим, что писатель состоялся и даже стал классиком. Мир Достоевского и Толстого, Пришвина и Бунина, Куприна и Набокова. Миры Стругацких и Герберта, Айзимова, Желязны и Шекли... Писатель, выступающий в сети Интернет под псевдонимом «Мерче» (Каринэ Арутюнова), несомненно, тоже создала свой мир и живет в нем. Здесь все очень узнаваемо, знакомо — и в то же время индивидуально. Принадлежит только автору, но легко, незаметно, безо всякого душевного напряжения становится и читательским миром.

Мерче работает в разных жанрах. Она пишет прозу, стихотворения в прозе и просто стихи. У Мерче есть свой стиль. Он запоминается. Если будешь читать текст без подписи автора, скажешь — да ведь это она, Мерче! Да и кто еще пишет такими широкими мазками, укладывая иную миниатюру в две фразы? Кто еще умеет, стежок за стежком выкладывая нить, раскрашивать мир всеми красами Бытия?

Когда читаешь Мерче, кружишься в ассоциативном ряду, который то расширяется в ритме текста, то сужается, то становится единственным... Гарсиа Лорка и Маркес, Шолом Алейхем и Бабель, Юнна Мориц, Марсель Пруст и Достоевский... То вдруг вспоминаешь

картины из потрясающего фильма «Куда приводят мечты» — и снова оказываешься в тексте Мерче, понимая, что художник — не профессия, а духовное призвание. Что художнику открыт канал связи с Небом и надо только успевать улавливать идущие оттуда ассоциации и укладывать их в строки, нотные линейки или холсты.

В ее текстах не раз упоминается то скрипка, то виолончель. Тексты, выставленные на Национальном сервере современной прозы, прочитаны. Думаю, если бы я увидел созданные ею картины или услышал, как она играет, осталось такое же полное ощущение вдохновенного полета и сопричастности к Вечному...

И еще, читая Мерче, вспоминается, что говорили, и не раз, нынешние критики и издатели, говорили, в том числе и мне: «Сейчас так не пишут. Это не будет пользоваться коммерческим успехом»...

Желаю талантливой Мерче дождаться времен, когда настоящая, потому что не коммерческая, литература будет востребована, и издатели станут оспаривать друг у друга право на публикацию ее произведений.

Виктор Вайнерман,
профессор Российской академии естествознания,
заслуженный работник культуры РФ,
член союза писателей.

От автора

Нужно написать аннотацию к книге, которая выйдет вот-вот, а я медлю... Нужно как-то не-принужденно, умело, в двух-трех словах, обратиться к неизвестному мне потенциальному читателю, — возможно, даже попробовать убедить его в том, что эта штука, которую он держит в руках, — стоящая, не подкачает, этакая славная штука, — попробуйте-ка в двух-трех словечках рассказать о своем ребенке, — это НЕВОЗМОЖНО, — это вначале кулачок крохотный сжатый, а после — пальчики — горошинки, и разрез глаз, и совершенство этой вот складки, и пуговка носа, — а как он писает, Боже, ведь это невозможно красиво, — а когда сосет — райское блаженство, — а вот и зубки, — а вот тут он насупился, а здесь — обернулся, помощи ждет, и бровки домиком, а когда смеется — зубки как сахарок, голову запрокидывает, а когда рыдает, то навзрыд...

Я ведь вообще говорить не люблю. Пантомима — это мое. Клоунада. Марсель Марсо. Енгибаров. Это мое детство. Чаплин. Слепая цветочница. Музыка должна быть. Руки, спина. И глаза. А дальше — все ясно. Потому — откровений не будет. То есть, будут, конечно, но они — в паузах, в музыкальных фразах, от кре-цендо до пианиссимо, и глаза. Обязательно глаза. Ведь не будете же вы всерьез объяснять, отчего у вас болит сердце, или, напротив, отчего вы летаете? Лучше просто приложить ладонь к груди или взмахнуть руками. Пожалуй, так.

В поисках розовой ящерицы

Время меланий

Вот и август пришел. Время подтекающих кондиционеров, — мокрых подмышек, оплывающих от зноя лиц, шаркающих по асфальту ног, промелькнувшей розовой ящерицы в трещине стены, — вот и август пришел, месяц безудержных совокуплений и незапланированных зачатий, время стекающего по подбородку дынного сока и вязкого ночного томления...

Однажды ты пронесешься мимо собственной станции, удивленно провозжая взглядом стремительно сужающееся пространство, — и выпорхнешь наружу из битком набитого вагона — нога неуверенно ступит на перрон — дверь с грохотом сомкнется, — твое настоящее промелькнет вращающимся калейдоскопом, — лиц, впечатанных в толстое стекло, — и тут же станет прошлым, — прижимая ладонь ко взмокшему лбу, попытаешься вспомнить год и число, место и время, но тут же махнешь рукой, — бесполезное занятие, — нет такого числа и нет такого года, а вот, пожалуй, — прохлада мраморной стены и блестящее девчоночье колено из-за колонны — с туго натянутым шелком юной кожи — и чьи-то смелеющие пальцы, — раздвигающие влажные прядки волос, — и след от купальника на обожженном плече, — и черный провал тоннеля, — и ветерок забвения, — и чей-то подол, взметнувшийся у самого края, — и медленно ползущая лента, — с отпе-

чатками ладоней и пальцев, подошв и скользящих рассеянно взглядов.

Увертываясь от настигающей тяжелой двери, подденешь носком пивную бутылку, — свернешь в прохладный скверик, пугающе безлюдный и безмолвный, — ты будешь осторожными шагами продвигаться вглубь, узнавая, не желая понимать, принимать, не в силах отвести взгляда от ряда пятиэтажек с распахнутыми окнами, — в воскресный день, в зной, — от сонных женщин с колясками, от странной таблички — ПИВО СОКИ ВОДЫ, — от детских пальцев, обхвативших стакан томатного сока, — от семечковой шелухи вокруг скамеек, от вереницы старушек со сложенными на животах руками и распухшими щиколотками, — втянув голову в плечи, под их настороженно — любопытными взглядами, нырнешь в сырую тьму подъезда, — споткнувшись в том самом месте, — о знакомую щербинку в ступеньке, — вздрогнув от ноющей боли в разбитом колене, от расплзающегося пятна зеленки по содранной коже, от целительного дуновения из чьих-то губ, сложенных трубочкой...

Запахи адских борщей с натертой чесноком корочкой черного хлеба, шкварчащих на сковороде рыбешек, — до хруста, до головокружения, — сглотнешь слюну и переведешь дыхание у двери с перевернутой циферкой — восемнадцать — и вдавленной кнопкой звонка, — пальцы без труда дотянутся до нее, и это озадачит тебя...

Дверь распахнется сама, — в тесную прихожую с вешалкой, с сеткой от комаров на окне, с краем цветной клеенки кухонного стола, с торшером, этажеркой, с раскрытой книжкой, — на том самом месте, с загнутым уголком страницы, — машинально протянув руку

В поисках розовой ящерицы

за яблоком, ты сядешь у окна, на диван, сбросив обувь, поджав под себя ноги, — это будет месяц август, самый настоящий, с обжигающим язык и губы кукурузным початком, щедро усыпанным солью...

Наслаждаясь внезапной свободой, ты дочитаешь книгу до конца и, улыбаясь, — поставишь ее на место, — по потолку пробежит розовая ящерица, мелькнет хвостом и исчезнет в глубокой трещине на стене...

Впрочем, — это будет совсем другая история.

О неуловимой розовой ящерице, поселившейся за буфетом и разгуливающей по ночам.

Об этом — в другой раз.

Черно-белое кино

Дочь аптекаря

Гольдберга

О одном документе Муся Гольдберг была расстреляна во владимирской «крытке» седьмого апреля 1939 года, и нет нужды пересказывать, отчего голубоглазый аптекарь Эфраим Яковлевич Гольдберг умер прямо на улице от внезапной остановки сердца, — вскрикнув коротко и глухо, он неловко повалился вбок, — скорее, обвалился, как неустойчивый картонный домик, — никто так и не узнал, какое странное видение посетило Эфраима Яковлевича в этот день, повесенному сырой и ветренный, — эту тайну маленький аптекарь унес в могилу, вырытую мрачным дождливым утром тремя круглоголовыми брахицефалами, — некрасивую девочку, стоящую босыми ножками на цементном полу, в сползающей с худого плеча бумазейной рубашечке, — с тем обычным плаксивым выражением, с которым восьмилетняя Муся пила железо и рыбий жир и подставляла покрытый испариной лоб, — уже падая аптекарь Гольдберг успел содрогнуться от жалости, — ножки, Муся, ножки, — и жалость эта оказалась столь необычных размеров, что просто не уместилась во впалой аптекарской груди.

По другим источникам — седьмого апреля 1939 года расстреляна была вовсе не Муся, а другая девушка, воз-

можно тоже с фамилией Гольдберг, — а сама Муся вернулась в свой дом, постаревший на много лет, помаргивающий подслеповатыми окнами и заселенный незнакомыми людьми.

Из полуоткрытых дверей выплывали желтоватые пятна лиц, похожие на песьи и лисьи морды, — со скошенными лбами, мелкозубые, — вам кого? — Гольдбергов? — Фима, там Гольдбергов каких-то, — нет, не живут, — и только старуха Левинских, озираясь по сторонам, прошелестела в Мусино ухо, — гоим, гоим, уходи... — и Муся в страхе отшатнулась — сквозь мутную пелену белесоватых глаз проглядывало вполне осмысленное, даже хитроватое выражение, — крошечная голова была плотно ввинчена в туловище, — мелкими шажками старуха продвигалась вдоль стены, напоминая медленно ползущую жирную гусеницу.

Мусина улыбка по-прежнему была ослепительной, хоть и поблескивала металлом, — за долгие годы Муся научилась держать удар и вовремя уворачиваться; даже в сползающих чулках и старом пальто дочь рыжего аптекаря все еще производила некоторое впечатление на утомленных нескончаемым человеческим конвейером мужчин, — ее сипловатый голос завораживал, а небольшая картавинка только усиливала очарование, — в пыльном кабинете, сидя перед настороженным лысоватым человечком Муся нервно закурила, и человечку ничего не оставалось как придвинуть пепельницу, а после — закурить самому, подавляя странное волнение и дрожь в пальцах.

Следствием этой беседы в прокуренном кабинете стал выписанный ордер на желтоватом клочке бумаги, и новая жизнь, правда, Муся так и не научилась варить борщи и другие национальные блюда для человечка в

распшитой косоворотке, — ужинали они скудно, по-холостячки, чаще молча, — пока молодая жена с хриплым смешком не гасила окурков в переполненной пепельнице, и тогда большая кровать с никелированными шишечками прогибалась под двумя телами с протяжным вздохом; после небольшой увертюры и не всегда удачного завершающего аккорда к звуку громко тикающих ходиков прибавлялся негромкий храп с тоненьким присвистом, — Муся удивленно примеряла на себя эту чужую размеренную жизнь, — может быть, ей даже казалось, что она счастлива.

— Ёня, лисапед, Ёня — два круглоголовых пацаненка в матросских костюмчиках, обгоняя друг друга на новеньких велосипедах, несутся по проспекту Славы среди трепещущих на ветру знамен, — примерно так выглядело счастье маленького человечка в косоворотке, о котором, впрочем, он никогда не говорил, — только по вечерам, в выходные, после стопки беленькой и блюда жареной картошки неясная картинка оформлялась во что-то почти осязаемое, — за стенкой слева гундосила пьяненькая соседка, а из комнаты напротив заходил в надсадном кашле Герой Советского Союза, — Рымма, Рымма, — он выкатывался в коридор, — в накинутах на голый торс пиджаке с болтающимися орденами, — отталкиваясь сильными руками от пола, наворачивал круги, производя много шума, давясь и захлебываясь жесткими слезами, — Рымма, — на шее его двигался острый кадык, но Рымма была далеко, в какой-то другой жизни, похожей на парад весело марширующих мужчин и женщин, — левой-правой-левой-правой — с ясными лицами, — левой-правой, — левой-правой — ну, Колян, давай, — в разжатые зубы вливалась еще стопка, и еще одна, — и круги становились не такими острыми,

— обхватив подушку в нечистой наволочке, Герой Советского Союза забывался до самого утра, и снились ему новые хромовые сапоги, и веселые девушки на танцплощадке, и среди них — его Рымма, в раздувающемся крепдешине, со смуглыми коленками и блядской ухмылкой, — сука она, твоя Рымма, — чьи-то губы вплотную придвигались к его уху, — обдавая ржавым перегаром, и тут уже деваться было некуда, — надо было просто жить, и прикупить на вечер, и стрельнуть папироску, а если повезет, разжиться маслом у соседей и сварганить яишенку из четырех яиц.

Близняшки на красных велосипедах продолжали весело мчаться наперегонки, но видение становилось все более размытым, — они уже не неслись навстречу в раскинутые руки, а нерешительно останавливались на полпути, и тогда маленький лысоватый человечек доставал аккордеон, и влажной тряпочкой смахивал пылинки, — застывшая у окна Муся закидывала руки за рыжую голову, — Рымма, Рымма — странно, голос был почти детский, с петушиными переливами, а за окном плакал майский вечер, и шуршал по крыше мелкий дождь, аккордеон стоял в углу и время от времени сквозь звенящую тишину пробивался тоненький плач, — не женский, а мужской, — у маленького человечка был высокий, неожиданно высокий голос, и крепкое нестарое еще тело, и ласковые маленькие руки, но его женщина куда-то уходила, она все время уходила от него, — хоть и была рядом.

Хоронили маленького человечка торжественно, было много венков, и музыка, все как положено, и влажные комья земли легко поддавались, — у идущих за гробом товарищей были красные обветренные лица, за столом не чокались, но заметно повеселели, и непонятно откуда

взявшиеся женщины в повязанных платочках вносили еду, крупно порезанную сельдь, и громадные пирожки, кажется, с ливером и капустой; Муся молча сидела за столом, — вы кушайте, что вы не кушаете, — чья-то рука подкладывала ей винегрет и серые ломти хлеба, — надо кушать, — лицо женщины напротив расплывалось блином, — головы раскачивались, звенела посуда, — долго еще пили и ели, а расходились шумно, как со свадьбы, и галдели на лестнице, — мужчины в распахнутых пиджаках, возбужденные, хмельные, и их жены, с высокими прическами под повязанными газовыми косыночками.

Наутро Муся обнаружила себя у газовой плиты, — она чиркала спичками, — одну за другой, быстро-быстро, — они ломались и крошились в ее руках, — она натыкалась на столы, хватала чайник и удивленно смотрела на льющуюся воду, — какие-то люди входили, спрашивали, трясли ее за плечи, — но Муся смотрела мимо, — у стены, выкрашенной ядовито-зеленой масляной краской, стоял ее отец, маленький аптекарь, Эфраим Яковлевич Гольдберг, — прижав ладонь к груди, — он молча смотрел на нее, — тихо, папа, — ей мешали все эти странные люди, — ей хотелось услышать знакомый голос, — Мусенька, мейделе, — но отец только молча стоял у стены, и рыжие волоски поблескивали на его пальцах, и Муся не могла сдвинуться с места.

С тех пор отец часто приходил к ней, и даже присаживался на краешек незаправленной кровати, — Муся совсем опустилась, — волосы стали тусклыми, на руках появилось много незаживающих болячек, — она с трудом доживала до вечера, слоняясь по неприбранной комнате, а потом долго сидела в темноте и смотрела на дверь, и все повторялась, — отец и дочь, смеясь и сопри-

Кінець безкоштовного
уривку. Щоби читати
далі, придбайте, будь
ласка, повну версію
книги.